

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЁВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ И ПОСОЖЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Изучение вопроса христианизации восточнославянского населения ведётся историками и специалистами по истории церкви с XIX века. Среди основных дискуссионных вопросов является время принятия христианства и его широкого распространения, влияние христианской догматики на смену погребальной обрядности в восточнославянской среде, а также относительно христианского либо языческого контекста отдельных предметов ювелирного производства (в частности некоторых видов привесок).

Сложность изучения данного вопроса обусловлена тесной связью факторов социокультурного развития общества со структурными элементами христианства и язычества, синтез которых на определённом этапе принял форму практики «*primo signatio*», т.е. неполного крещения.

Б.А. Рыбаков, исследуя смену практики трупосожжения трупоположением в среде радимичских племён, выступил с резкой критикой положений А.А. Спицина, указывавшего на христианства, как на важнейшую причину изменения в погребальной обрядности [21, с.123]. Б.А. Рыбаков категорически отвергал определяющую роль христианизации. Причиной таких изменений в погребальной практике исследователь считал целый комплекс социальных и общественных процессов: распад родовых отношений и индивидуализацию семьи, выделение знати и обособление погребений [20, с. 44].

Схожая точка зрения была высказана гомельским исследователем В.В. Богомольниковым. Изучая курганные древности верхнего течения Днепра, учёный обосновывал позицию, согласно которой смена видов погребальной обрядности хронологически предшествует введению христианства. Исследователь связывал данные изменения с трансформацией родовых отношений [6, с. 100].

Проводимый учёным сравнительный анализ городских и сельских курганов показал, что в погребениях последних чаще практиковалась восточная ориентировка умерших, более активное использование огня при проведении обряда,

частая встречаемость керамического материала и вытянутых вдоль тела рук погребённых [7, с. 47].

Погребения в подкурганных ямах, согласно исследователя, появляются когда новая вера относительно окрепла [6, с.101]. На это указывает более частая встречаемость погребений с западной ориентировкой и сложенными на животе руками, снижение наличия керамических сосудов в погребениях, уменьшение использования огня при проведении погребального обряда, более частая встречаемость погребений в гробах [5, с. 26-27].

Подобный сравнительный анализ для земли смоленских кривичей был проведён Е.А. Шмидтом. Исследователь отмечает, что в погребениях, расположенных у городищ, ямные погребения составляют 94,7%, в погребениях, расположенных у сельских поселений – 30,6%. Наблюдается значительная разница и в положении рук. В первых лишь 15,8% погребений имеют вытянутые вдоль туловища руки, в то время как во вторых – 76,6% [23, с. 93]. Данная статистика указывает на более быстрое и глубокое проникновение христианства в среду городского населения восточных славян.

Я.Г. Риер, исследуя древнерусские сельские поселения и курганные могильники указывает на то, что появление погребений в подкурганных ямах на данной территории наблюдается в XI–XII веках именно вследствие распространения христианской догматики [17, с.141]. Примечательно, что погребения в подкурганных ямах радимичей и дреговичей наиболее характерны для южных районов расселения этих племён, из чего учёный делает вывод о христианизации местного населения из Среднего Поднепровья, а не через местные племенные протогосударственные структуры [17, с. 141].

Отдельное внимание погребальному обряду уделено И.А. Марзалюком. Исследователем особо подчёркивается, что для летописца Нестора исключительно кремация воспринималась в качестве языческого обряда, а не традиция насыпать курган над умершим [12, с. 186]. Одной из причин смены кремации ингумацией в рассматриваемом регионе, по мнению исследователя, может послужить стремление рядовых общинников к подражанию и копированию погребального обряда представителей социальной верхушки. принявших крещение [12, с. 186].

На основании изучения погребального обряда северо-восточной Беларуси И.А. Марзалюк указывает на ту же закономерность, отмеченную в своё время В.В. Богомольниковым для земли радимичей – наиболее быстрое и глубокое принятие христианской догматики происходило в городских и административно-фискальных центрах, нежели в среде сельских жителей [12, с.187].

Особую важность представляют исследования Ю.А. Заяца. Учёный поддерживал мнение о смене языческого обряда трупосожжения труположением под влиянием христианства [9, с. 14]. Подтверждая более быструю христианизацию городского населения, Ю.А. Заяц приводил яркий пример – Заславье (Изяславль). Исследования городских курганных некрополей древнего города позволили заключить, что к середине XI столетия курганный обряд отмирает, свидетельствуя о полной христианизации горожан [9, с. 14].

Л.В. Алексеев предполагает, что после крещения Полоцка, местные князья просили прислать из Киева миссионеров для распространения христианства. Священников из числа греческих миссионеров под охраной доставляли вверх по

Днепру. При этом, выходяцы из местной знати, князья, упрощали задачу миссионеров, так как хорошо знали количество данников в местных малых племенах. Посещая племенные поселения, миссионеры уничтожали святилища языческих богов, и на их месте рубили небольшие храмы [1, с. 46]. Таким образом, христианство сравнительно быстро распространилось, прежде всего, в городских центрах, которые становились центрами христианизации сельского населения конкретного микрорегиона.

К настоящему времени в Могилёвском Поднепровье и Посожье имеется ряд археологических памятников (городских центров, сельских курганных могильников и селище), позволяющий рассматривать проблему христианизации сельского населения на указанной территории.

Как известно, со второй половины XII века в Мстиславе уже проводил службу смоленский епископ, о чём свидетельствуют письменные источники и что подтверждается находками крестов-энколпионов XII – XIII веков [15, с. 380; 2, с. 213 – 215]. Таким образом, археологический материал позволяет обозначить городской цент Мстиславль, как главный центр христианизации сельского населения Мстиславской земли.

К настоящему времени на территории современного Мстиславского района археологические исследования проводились лишь в пяти сельских курганных некрополях. Все погребения произведены по обряду труположения на материковой поверхности, руки вытянуты вдоль туловища. Костяки подстилает зольно-угольная прослойка погребального костра. Погребальный инвентарь позволяет датировать возведение насыпей концом X – XI веками.

Та же ситуация прослеживается и в сельских некрополях, расположенных на территории современного Кричевского района. Исследование курганных древностей показывает, что переход к обряду труположения и отказ от языческого обычая кремации, произошёл в конце X – первой половине XI столетия. При этом, единственным центром христианизации в данном микрорегионе выступает летописный Кречут (Кричев).

К настоящему времени широкомасштабные исследования проведены на городище Старый Шклов Шкловского района, где были выявлены предметы личного благочестия и элементы материальной культуры X – XI веков представителей дружинного сословия [14].

Значение дружины в крещении восточнославянского населения хорошо известно из летописных сообщений. Обнаруженный в 1963 году на берегу р. Серебрянка каменный идол¹ [16, с. 89], позволяет нам утверждать, что данное каменное изваяние божества стало жертвой христианской реформы Владимира: «**Идолы сокруши, древяннии сожгоша, а каменнии, изломав, в реку вергоша**» [10, с. 19].

К сожалению, близлежащий курганный могильник был варварски уничтожен карьером, а сельские поселения археологически не исследовались. Однако, материал из раскопок на территории городища позволяет судить о проникновении христианства в данный микрорегион уже в конце X – XI веках. Следует

¹ Скульптурное изображение языческого божества вырезано из песчаника и датируется X столетием [3, с. 421].

полагать, что в это же время проводилось крещение сельского населения данного микрорегиона.

Изучение средневекового сельского поселения у города Чаусы и прилегающих к нему курганных групп позволяет рассмотреть процесс христианизации в сельской местности на примере данного памятника более детально. Краниологическое изучение костных останков из погребений указывает на то, что в XI столетии здесь были похоронены близкие родственники, носители радимичской материальной культуры, о чём свидетельствуют характерные височные кольца и нагрудные привески. Ими же было основано поселение. Затем, однако, ещё в пределах XI века, на поселении появляются переселенцы. Наличие богатых несельских украшений, а также характерной для профессиональных воинов амуниции свидетельствует, по мнению Я.Г. Риера, о проживании в это время на селище дружинника-землевладельца или представителя властвующей администрации [22, с. 221 – 222].

Следует полагать, что первый этап христианизации на селище Чаусы связан со сменой местным населением в погребальной обрядности трупосожжения на положения тел умерших в курганных насыпях (непосредственно в насыпи и на материке), которая происходила в конце X – начале первой половине XI века. Второй этап, вероятно, следует связывать с появлением в XI веке на поселении представителя местного феодального сословия. В это же время в погребениях и на селище появляются кресты-тельники. С XII века на селище появляется новая группа переселенцев, а в некрополе – погребения в подкурганных ямах, которые содержат украшения и керамику, характерную для XII – XIII веков. Ямные погребения ориентированы в соответствии с христианскими канонами на запад. Однако ещё сохраняются рудименты языческой обрядности радимичей – ямные погребения находятся в центре колец-кравд, прослеживаются окологурганье ровики [18, с. 13 – 15; 19, с. 21 – 22]. Указанные позднейшие изменения следует связывать с тем, что с середины XII века данный микрорегион входит в домен Смоленского княжества [22, с. 222] и подчиняется Смоленской епископии.

В окрестностях города Могилёва, по определению И.А. Марзалюка, расположен курганный некрополь сельских дружинников [11, с. 50]. Основная масса погребений совершена по обряду труположения на подсыпке из зольно-угольного слоя и песка и датируется к. X – н. XI вв. [11, с. 50]. При исследовании погребений обнаружены предметы личного благочестия, а также уникальная находка сребреника Владимира Святого [13, с. 7 – 8]. Как известно, на одной стороне монеты изображён сам великий князь, на оборотной – Иисус. В научной литературе высказывается мнение о том, что монетовидные привески с изображением креста или христианских святых являются своеобразными иконками-оберегами в среде первых христиан [4, с. 94 – 97].

Таким образом, вещевой комплекс погребений позволяет заключить, что отказ языческого обряда трупосожжения в данной местности происходит в конце X столетия, в это же время в погребениях появляются предметы христианского культа. Центром христианизации в данном микрорегионе следует считать Могилёв, который по мнению Ю.А. Заяца, мог быть основан именно как приходской центр [8, с. 44].

Итогом проведённого исследования являются следующие выводы:

1. В научной литературе нет единого мнения относительно времени проникновения христианства в среду восточнославянского населения и роли новой религии в изменении погребальной обрядности.

2. Наиболее ранние материалы, позволяющие судить об активном проникновении христианства в среде восточных славян на изучаемой территории, происходят из курганных некрополей, содержащих материалы дружинной культуры.

3. Археологическое исследование городища Старый Шклов и его окрестностей позволяет с определённой долей осторожности утверждать о том, что христианизация местного населения и низвержение каменного божества произошли здесь в конце X – начале XI столетия.

4. Сравнительный анализ городских и сельских курганных некрополей показывает, что именно городское население становилось первостепенным объектом христианизации. Из городов новая религия распространялась в среду сельского населения конкретного микрорегиона.

Литература

1. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. Кн. 2 / Л.В. Алексеев; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука, 2006. – 167 с.
2. Алексеев, Л.В. Мелкое художественное литьё из некоторых западнорусских земель / Л.В. Алексеев // Советская Археология. – 1974. – № 3. – С. 204 – 219.
3. Археологія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. Т.1: А – К / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2009. – 496 с.
4. Беленькая, Д.А. Крестыки и иконы из курганов Подмосковья / Д.А. Беленькая // Советская Археология, 1976, № 4. – С. 88 – 99.
5. Богомольников, В.В. Курганы радимичей / В.В. Богомольников // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мн., 1994. – № 4. – С. 23 – 35.
6. Богомольников, В.В. Причины изменения погребального обряда радимичей / В.В. Богомольников // Древности Белоруссии и Литвы. – Мн., 1982. – С. 98 – 103.
7. Богомольников, В.В. Радимичи: По материалам курганов X–XII вв. / В.В. Богомольников. – Гомель: Гомельский государственный имени Франциска Скорины, 2004. – 226 с.
8. Заяц, Ю.А. Да праблемы распаўсюджвання хрысціянства на Беларусі / Ю.А. Заяц // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Выпуск 24. Даследаванне сярэдневяковых старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (пам'яці Ю.А. Заяца). – Мінск, 2013. – С. 12 – 17.
9. Заяц, Ю.А. Да праблемы распаўсюджвання хрысціянства на Беларусі / Ю.А. Заяц // Рэлігія і грамадства: актуальныя праблемы сучаснага рэлігіяведавання: сб. науч. трудов / Под общ.ред. В.В. Старостенко. – Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. – С. 43 – 46.
10. Коваленко, В.П. Чернигово-Северская земля и введение христианства / В.П. Коваленко // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научной конференции по теме: «Древнерусское язычество и его традиции». – Псков, 1988. – С. 19 – 21.
11. Марзалок, І.А. Археалагічныя даследаванні курганнага могілніка Усход у 2008 г. / І.А. Марзалок // Романовскія чтэння – 6 (к 75-летію гістарычнага факультэта УО «МГУ ім. А.А.Кулешова»): сб. статей Міжнароднай навуц. Канферэнцыі. – Могилёв: УО «МГУ ім. А.А.Кулешова», 2010. – С. 47– 50.
12. Марзалок, І.А. Пахавальны абрад як гістарычная крыніца па хрысціянізацыі паўночна-ўсходняй Беларусі / І.А. Марзалок // Праблемы археалогіі і дрэвянай гісторыі Верхняга Подняпроўя і суседніх тэрыторый. Міжнародная навуцкая канферэнцыя (30 студзеня – 1 студзеня 2002 г.): Доклады і саабошэння. – Могилёв, МГУ ім. А.А. Кулешова, 2002. – С. 185 – 193.
13. Марзалок, І.А. Справаздача: аб археалагічных раскопках курганнага могілніка да пасёлка «Усход» у Магілёўскім раёне ў 2009 г. / І.А. Марзалок. Архіў Інстытута Гісторыі НАН Беларусі. – Спр. № 2699. – Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова, 2010. – 26 с.
14. Марзалок, І.А. Справаздача: аб археалагічных раскопках на гарадзішчы «Стары Шклоў» Шклоўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2011 г. / І.А. Марзалок (рукапіс).
15. Мясельскі, А.А. Мясельскае княства і ваяводства ў XII – XVIII стст./ А.А. Мясельскі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 664 с.
16. Поболь, Л.Д. Отчёт об археологических исследованиях на территории БССР в 1964 г. / Л.Д. Поболь. Архив Института Истории НАН Беларуси. – Д. № 238 – Минск, 1965.

17. Рьер, Я.Г. Некоторые вопросы развития феодальной деревни Могилёвского Поднепровья в X – XIV веках / Я.Г. Рьер // Древности Белоруссии и Литвы. – Мн., 1982. – С. 137 – 144.
18. Рьер, Я.Г. Отчёт об археологических работах в Могилёвской области в 1978 г. / Я.Г. Рьер. Архив Института Истории НАН Беларуси. – Минск, 1978.
19. Рьер, Я.Г. Отчёт об археологических работах в Могилёвской области в 1979 г. / Я.Г. Рьер. Архив Института Истории НАН Беларуси. – Минск, 1979.
20. Рыбаков, Б.А. Нестор о славянских обычаях / Б.А. Рыбаков // Древние славяне и их соседи. – М., 1970. – С. 40 – 45.
21. Рыбакоў, Б.А. Радзімічы / Б.А. Рыбакоў // Працы секцыі археалёгіі. Т.ІІІ – Менск: Інстытут гісторыі, Беларускае акадэмія навук. 1932. – С. 80 – 151.
22. Рьер, Я.Р. Вясковое паселішча ў г. Чавусы / Я.Р. Рьер // Гісторыка-археалагічны зборнік. – Мн., 1994. – № 3. – С. 202 – 227.
23. Шмидт, Е.А. Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству / Е.А. Шмидт // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. – С. 91 – 97.